

DOI 10.15393/j9.art.2019.5841

УДК 276; 80

Алексей Михайлович Надежкин

(Нижний Новгород, Российская Федерация)

aleksej1001@gmail.com

Образ Понтия Пилата в произведениях латинских авторов I–V вв.

Аннотация. Настоящее исследование посвящено проблеме интерпретации сюжета о суде Пилата в ранней латинской литературе. В статье представлены новые сведения из непереуведенных ранее трудов Амвросия Медиоланского, Руфина Аквилейского, Иеронима Стридонского. Сравнивается восприятие суда Пилата ранними латинскими писателями со святоотеческими творениями IV в. Афанасия Великого и Ефрема Сирина. Несмотря на гонения, устроенные римлянами в первые века христианства, образ Понтия Пилата не воспринимался ранними христианами как собирательный образ гонителя и его не считали главным виновником, допустившим казнь Христа. Для Тертуллиана и Лактанция Пилат скорее является мудрым язычником, противопоставленным безумствующей, жаждущей крови толпе. Христиане не противопоставляли себя римской власти и не возлагали на нее ответственность за распятие Христа. Образ Понтия Пилата оказался чрезвычайно важным в размышлениях латинских авторов о власти и смиреннии. Так, Иларий Пиктавийский противопоставляет земную власть Пилата и Ирода и небесную — Христа, но в то же время Пилат, спрашивая Христа, Он ли Царь Иудейский, своим вопросом подтверждает царское достоинство Христа. Амвросий Медиоланский осуждает Понтия Пилата за властолюбие. Блаженный Иероним, пишет о том, что Пилат «невольно принял жестокое решение». Через обращение к ветхозаветным пророчествам св. Иероним пытается придать не только символическое, но и религиозное значение омовению рук Пилата и связать его с отвращением от зла и возможным прощением. Латинские Отцы Церкви и церковные писатели в основном сочувствовали прокуратору Иудеи, видя в нем жертву обстоятельств, хотя и осуждали его за слабоволие.

Ключевые слова: образ, интерпретация, Понтий Пилат, латинская патристика, проблема вины, раннее христианство, евангельский сюжет

Интерпретация евангельского сюжета о суде Пилата является значимой проблемой античной филологии, литературоведении, культурологии, богословия.

Многие богословы конца XIX — начала XX века, такие как В. В. Болотов [Болотов, 2001: Т. 3, 226], С. Л. Епифанович

[Епифанович, 2010: 278], Н. И. Сагарда уделяли значительное внимание образу Понтия Пилата. Их интерес обусловлен тем, что имя прокуратора со времен мужей апостольских упоминалось в древнейших символах веры. Например, в символе св. Игнатия оно указывает на историческое время земного служения Христа: «...истинно за нас был распят плотию при Понтии Пилате...» [Епифанович, 2010: 128], также используется им в послании тралийцам о борьбе с ересью докетов¹. Имя прокуратора было важным для богословов при исследовании вопроса об историчности Христа [Болотов, 2000: Т. 2, 91–92, 100], [Болотов, 2001: Т. 3, 28].

В работе современного исследователя Т. Грюлля «The legendary fate of Pontius Pilate» («Судьба Понтия Пилата в легендах») [Grull, 2010] рассмотрен широкий круг авторов (греческих — Ориген, Евсевий Памфил, латинских — Тертуллиан, коптских — записи в коптских синаксарях); здесь автор исследует отношение к прокуратору, но при этом игнорирует сообщения о Пилате у Отцов Церкви, что обусловлено проблематикой работы, включающей в круг исследуемого материала только «легенды» о Пилате.

На этом фоне возрастает ценность исследовательских работ, посвященных подробному изучению образа Пилата в латинской литературе с привлечением святоотеческих свидетельств.

Интерес литературоведов к образу Понтия Пилата связан с исследованием романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Гаджиев, 2009], [Синцов, 2010], [Мальчуков, 2013], [Алексеева, 2016], Ч. Айтматова «Плаха» [Абдыраманова, 2015], [Сейранян, 2018], рассказов А. Франца и В. Шаламова «Прокуратор Иудеи» и др. [Суворцева, 2009]. Этот интерес обусловлен неоднозначностью образа Понтия Пилата в Евангелии: с одной стороны, он несколько раз пытается освободить Христа, а с другой — отдает его иудеям.

Споры современных литературоведов и философов о роли Пилата в Евангелии побуждают нас попытаться ответить на вопрос, каково было отношение к этому образу в первые века христианства в латинской литературе на материале *Patrologia Latina* (9, 14, 15, 17, 21, 23, 26 тт.), охватывающей корпус раннехристианских латинских текстов от Тертуллиана до Иеронима Стридонского.

Один из наиболее ранних авторов, поставивший вопрос о Пилате, был Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан, который жил в период гонений на христианство II–III вв. В своем трактате «Апологетик» Тертуллиан, обращаясь к римлянам, рассказывает Священную историю: «На обличавшее же их Его учение учителя и руководители иудеев так ожесточились, особенно потому, что к Нему от них отходило огромное множество людей, что в конце концов своими требующими расправы криками добились, чтобы Христос, приведенный на суд к Понтию Пилату, тогда управлявшему Сирией от лица Рима, был отдан им на распятие»². Из этого следует, что Тертуллиан снимает вину за распятие с римского прокуратора, говоря, что иудеи по своему произволу казнили Христа.

Когда Тертуллиан во второй раз упоминает о Пилате, он прямо говорит о его обращении в христианство:

«Обо всех этих, касающихся Христа, событиях Пилат, сам уже христианин по своей совести, доложил тогдашнему кесарю Тиберию, но кесари уверовали бы во Христа, если бы или кесари не были необходимы сему веку, или, если бы христиане могли быть кесарями. Ученики Его, подчинившись повелению божественного Учителя, разошлись по свету. Они, также много претерпевшие от преследовавших их иудеев, — конечно, за свою непоколебимость в истине, в конце концов, в Риме из-за свирепости Нерона с готовностью пролили, словно посеяли зерна, свою христианскую кровь»³.

Анализируя мнение Тертуллиана, нужно учесть, что «Апологетик» адресован римлянам, а потому автор преуменьшает роль римского прокуратора в распятии, представляя его как жертву обстоятельств. Понимая, что римляне скорее поверят своим гражданам и представителю их власти, Тертуллиан указывает на ценное свидетельство Пилата, который говорит:

«Но мы покажем вам в качестве надежных свидетелей Христа тех, которым вы поклоняетесь. Многого будет стоить, если я для того, чтобы заставить вас верить христианам, использую тех, из-за которых вы не верите христианам»⁴.

Помимо того, интерес к Пилату у Тертуллиана вызван не только желанием показать, что среди наместников и благородных граждан Рима были христиане, но и реально существовавшим

церковным преданием об обращении в христианскую веру и свидетельстве Пилата перед императором — предание, которое автор «Апологетика» впервые записал. Вероятно, ранние христиане, которых римские чиновники влекли на судилища и подвергали пыткам, не могли не переживать за посмертную судьбу Понтия Пилата. Для христианского сознания было тяжело осознавать, что человек, исповедавший Христа праведником, стоявший на пороге веры, так и не сделал своего последнего шага ко Христу. Это обусловило появление высказанного Тертуллианом предположения, что Пилат все-таки спасся, став «по убеждению христианином» и честно рассказав императору о распятии Христа. Для греко-римского мира обращение как римлянина, так и гонителя в христианскую веру было сильным аргументом (ср., напр., с известным преданием о Лонгине), однако рассказ Тертуллиана об обращении Пилата вряд ли был лишь риторическим приемом *ad hominem*, использованным для убеждения римлян, но опирался на веру ранних христиан. Этот сюжет продолжал интересовать верующих и не исчерпал себя после гонений и обращения в христианство Римской Империи, когда он перестал быть важным для убеждения язычников, но оставался духовно ценным для последующих поколений христиан.

Эта народная вера потом оформится независимо от Тертуллиана в позднем греческом апокрифе «Евангелие от Никодима» (предпол. IV в.), который в свою очередь окажет сильное влияние на иконографию и литургику. «Евангелие от Никодима» состоит из основной части («Деяния Пилата») и приложения к ней («Сошествие во Ад»). Первая часть «Деяний Пилата» описывает суд над Иисусом, а вторая часть — воскресение Иисуса. В «Евангелии от Никодима» описывается сошествие Иисуса в ад и исход в рай ветхозаветных праведников. В этом апокрифическом Евангелии упоминается жена Пилата (Клавдия Прокула), которая была против казни Христа. Ее обращение в христианскую веру признано христианами, в то время как обращение Понтия Пилата не было привнесено в канон из-за его сомнительной репутации и частности, хотя и не добровольной, к распятию Иисуса.

Другой знаменитый раннехристианский апологет Фирмиан Луций Цецилий Лактанций в своей книге «Божественные установления» (нач. IV в.), пересказывая Евангелие, пишет о Пилате:

«И вот Иуда, обольщенный наградой, предал Его иудеям. Они же, схватив Христа и доставив Его к Понтию Пилату, бывшему тогда наместником в Сирии, требовали распять Его на кресте, укоряя Христа лишь за то, что Он называл себя Сыном Бога и царем иудеев, а также за то, что сказал: “Если вы разрушите тот храм, что строился сорок шесть лет, то Я восстановлю его за три дня без помощи рук”, — указывая на скорое страдание Свое и на То, что Он, убитый иудеями, воскреснет на третий день. Ибо Он сам есть истинный храм Бога. Слова эти как бы порицали нечестивых и преступников. Пилат, когда услышал эти слова и когда Христос ничего не сказал в Свое оправдание, объявил, что ничего не видит в Нем достойного осуждения»⁵.

В распятии Христа Лактанций обвиняет скорее иудейское священство, акцентируя внимание на словах Пилата, переданных в Евангелии от Иоанна: «Пилат опять вышел и сказал им: вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины» (Ин. 19:4).

Также в другом месте своего трактата Лактанций пишет:

«Но те несправедливейшие обвинители вместе с народом, который они возбудили [против Христа], принялись кричать в ответ и нечестивыми словами требовать для Него креста. Тогда Понтий был побежден — и их возгласами, и подстрекательством тетрарха Ирода, испугавшегося, что он будет лишен царства. И все же Понтий Пилат не решился сам вынести приговор, но отдал его иудеям, чтобы они сами судили Его по Закону своему»⁶.

Здесь Лактанций полностью возлагает вину на иудеев, даже искажая евангельский рассказ. По мысли Луция Лактанция, Пилат защищал Христа от иудеев во главе с четверовластником Иродом, что является искажением, потому что Ирод, хотя и насмеялся над Христом, отправил обратно к Пилату. Такое искажение, возможно, возникло из-за того, что в Евангелии сказано, что Ирод и Пилат были прежде во вражде друг с другом. Лактанций в своем труде «Божественные установления» двойственен в оценке образа Понтия Пилата: с одной стороны,

он осуждает прокуратора как человека нерешительного, а с другой — одобряет его честность, когда тот называет Христа невиновным человеком.

К образу Пилата в своих трактатах, посвященных толкованию псалмов, обращался и Иларий Пиктавийский, живший в IV в. в Западной Римской Империи, но вдали от Рима: «Testatur et Pilatus interrogans: “Tu es rex Judaeorum” (Matth. XVII, 11)? Profitetur et Dominus respondens: “Tu dixisti» («Подтвердил и Пилат, спросив: “Ты — царь иудейский?” Доказал и Христос, ответив: “Ты сказал”»)⁷. Образ Пилата важен для Илария Пиктавийского в связи с вопросом о Божественной власти Христа. Автор противопоставлял земную власть Пилата и Ирода и небесную — Христа. Иларий Пиктавийский пишет, что своим вопросом Понтий Пилат косвенно подтвердил царское достоинство Христа, а Иисус дал ответ, который был утверждением Его царственности. Кроме того, Сам Иисус позже разъясняет Понтию Пилату, испугавшемуся «царских притязаний» Христа: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18:36).

Развивает тему власти в связи с образом Понтия Пилата и известный богослов IV в. Амвросий Медиоланский. Размышляя о евангельском стихе «Или не знаешь, что я могу распять Тебя, а могу отпустить?» (Ин. 19:10) в своем толковании «Объяснение на СХVIII псалом», Амвросий как бы обращается к облеченному властью прокуратору, усовещивая его: «Et Pilatus dicebat ad Dominum Jesum: Potestatem habeo dimittendi te, et potestatem habeo crucifigendi te. Usurpas, o homo, potestatem, quam non habes; cum Deus neget se habere, que habet super omnia potestatem! Audi quid justitia dicat: “Non possum a me facere quidquam”. Audite quid iudex aequitatis asserat: “Sicut audio et iudico» («И Пилат говорил Господу Иисусу: “Я власть имею отпустить тебя, и власть имею распять тебя. Ты лишь пользуешься властью, человек, которую не имеешь, в то же время Бог отрицает, что владеет властью, Он, Который владеет властью над всем. Послушай, что говорит Истина: “Я ничего не могу творить Сам от Себя”. Послушайте, что справедливо говорит Судья: “Как слышу, так и сужу” (Ин 5:30)»)⁸.

Однако центральной темой в трудах Амвросия Медиоланского, связанной с образом Пилата, является тема вины. Так,

в «Размышлении на псалом LXI» автор осуждает Пилата, говоря, что, признав Христа праведником, тот только увеличил свою вину: «Nec defuit qui manus lavaret dicens: “Innocens sum a sanguine justī hujus” (Matth. XXVII, 24); in quo se Pilatus non diluit, sed inquinavit...» («Или не случилось, что омывал руки говорящий: “Невиновен я в крови Праведника Сего”; не омылся от этого Пилат, но осквернился»)⁹.

В «Толковании на Первое послание Павла Коринфянам» Амвросий Медиоланский размышляет над вопросом: кто виноват в распятии Христа? Святой не видит в людях, которые принимали участие в суде над Христом, основных виновников Его распятия, потому что они делали это по неведению, ссылаясь на слова апостола Петра из Деяний: «Впрочем, я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению» (Деян. 3:17). Святой Амвросий вспоминает в этой связи слова из Послания Павла к Коринфянам: «*Quam nemo principum hujus saeculi cognovit; si enim cognovissent, nunquam Dominum majestatis crucifixissent*» («...которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы» (1 Кор. 2:8))¹⁰. Церковный писатель утверждает, что под «властями века сего» нельзя понимать римское или иудейское начальство того времени: «*Principes hujus saeculi non solum homines accipiendos Judaeorum ac Romanorum: sed et hos principes ac potestates, quos supra dixit, ad quos vere pertinet dictum hoc, adversus quos nobis colluctatio est spiritualis nequitiae in coelestibus; quia consilio ac voluntate illorum crucifixus est Christus (Ephes. VI, 12)*» («Власти века сего не только люди, властвующие в Иудее или Риме, но и те начальства и власти, о которых раньше сказано, которых касается сказанное здесь, против которых наша священная борьба с “духами злобы поднебесной”, потому что советом и желанием их распят Христос»)¹¹.

Св. Амвросий отмечает, что Пилат омовением рук и очищением снимает ответственность с римских властей за казнь Иисуса: «*Et ipse Dominus: “Princeps, inquit, hujus mundi venit, et in me invenit nihil” (Joan. XVI, 30)*. Principes ergo hujus saeculi per ignorantiam Dominum majestatis crucifixerunt; nam Judaeorum principes, quomodo principes hujus saeculi possunt intelligi, qui erant subjecti regno Romano? Et neque Romanorum

principes crucifixerunt Christum; quippe cum dixerit Pilatus: “Nullam causam mortis invenio in eo” (*Joan.* XIX, 4). Unde et manus lavit, dicens Judaeis: “Innocens ego sum a sanguine justi hujus, vos videritis”» (*Matth.* XVII, 24) («И также Сам Господь говорит: “Идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего”. Князя “века сего” по неведению всеблаготого Господа распяли, так как иудейские власти как власти века сего могут ли пониматься, ведь они были частью Римского государства? И не римские власти распяли Христа, поскольку говорил Пилат: “Ничего, достойного смерти, не нахожу в Нем”, и также мыл руки перед иудеями, говоря им: “Невиновен я в крови Праведника Сего, увидите вы”»)¹².

Основную вину Амвросий Медиоланский возлагает на демонов, которые знали, что Иисус — Мессия и стремились погубить Его: «*Hi ergo principes crucifixerunt Christum Dominum, quos triumphavit libere in semet ipso; quamvis dicat Marcus Evangelista de daemonibus: “Sciebant enim Christum ipsum esse Jesum”. Scierunt quidem ipsum esse, sed qui in Lege promissus erat: mysterium tamen ejus, quo Filius Dei est, nesciebant*» («Следовательно, те начальства, которые распяли Господа Христа — это те, над которыми “восторжествовал Он Собою”, и также говорил Евангелист Марк о демонах: «Они знали, что Христос — это Иисус». Они знали, что это, действительно, Он, но Кто был обещан в Законе, но Его тайну, однако, что Он — Сын Божий, не знали»)¹³.

Наиболее явственно Амвросий Медиоланский подчеркивает то, что некоторые дела Пилата впоследствии оказались благими для христиан, в «Слове на смерть Феодосия». Так, св. Амвросий размышляет о надписи, которую сделал Пилат, отмечая, что она оказалась пророческой для христиан последующих веков: «И тако, ископав землю, Елена обретает три креста, смешанные от развалин и сокрытые от врага. Но знамение победы Христовой не могло истребиться: приходит в сомнение как женщина, но Дух Святой уверяет ее, что два разбойника распяты были со Христом. Почему ищет она среднего древа: понеже кресты по случаю могли быть перемешаны. Справляется с Евангелием, и находит, что на среднем кресте написана была титла: “Иисус Назорей, Царь Иудейский”» (Ин. 19:19).

По этой надписи Елена нашла спасительный крест. Пилат на требование иудеев отвечал: «еже писах — писах» (Ин. 19:22), то есть я писал не то, что вам нравится, но что могли бы познать и времена будущие, писал я не для вас, но для потомственных веков, и акибы так сказал: дабы Елена, читая сие, познала крест Господень»¹⁴. Образ Понтия Пилата в трудах св. Амвросия противоречив. С одной стороны, автор подчеркивает, что Пилат признает праведность Христа, с другой — это признание, по мнению богослова, только усугубляет вину прокуратора, так как свидетельствует о том, что он осудил на казнь невинного. Кроме того, св. Амвросий осуждает прокуратора за властолюбие, отмечая, что у него не хватает смирения признать ничтожность власти имперского чиновника перед властью Бога.

Церковный писатель конца IV в. Руфин Аквилейский в «Комментарии на Апостольский Символ Веры»¹⁵ связывает стих «И <Пилат>, узнав, что Он из области Иродовой, послал Его к Ироду, который в эти дни был также в Иерусалиме» (Лк. 23:7) с ветхозаветной строкой «*Dorsum meum dedi ad flagella et maxillas meas ad palmas, et faciem meam non averti a confusione sputorum*» («Я предал хребет Мой бьющим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания» (Ис. 50:6)), которая, по мысли Руфина, пророчески показывает страдания Христовы и косвенно отсылает к роли Пилата в суде над Иисусом.

К страстям Христовым Руфин Аквилейский относит и пророчество Осии: «И, связав Его, привели в дар царю Иариму» (Ос. 10:6) («*Et alligantes adduxerunt eum xenium regi Jarim (Osee 10, 6)*»)¹⁶. Размышляя об этом, Руфин пишет, что «на это можно возразить, сказав, что Пилат не был царем. Услышь, что передает Евангелие. Слушающий сказал: “Пилат узнал, что Он из Галилеи, и отправил Его к Ироду, который был тогда царем Израильским”» («...sed Pilatus non erat rex. Audi ergo quid in consequentibus refert Evangelium. Audiens, inquit: “Pilatus eum esse de Galilaea, misit eum ad Herodem, qui erat tunc rex in Israel”»)¹⁷. В своем толковании Руфин Аквилейский использует аллегорическое объяснение евангельской строки о суде Пилата: «*Et bene addit nomen Jarim, quod est silvester. Non enim erat*

Herodes de domo Israel, nec de illa vinea Israelitica, quam eduxerat Dominus de Aegypto, et plantaverat in cornu in loco uberi: sed erat silvester, id est ex silva alienigenarum: et ideo recte silvester est appellatus, quia de Israeliticae vitis nequaquam palmitibus pullulasset» («И хорошо запомните имя Иарим, которое значит “лесной”. Ибо Ирод не был из дома Израилева, ни из виноградника Израилева, который вывел Господь из Египта и насадил на краю земли новой, но был “лесным жителем” из леса чужестранного. И хорошо он назван “лесным жителем”, потому что Ирод никоим образом не происходил из побегов Израилевой лозы»)¹⁸.

В этом Руфин Аквилейский видит исполнение ветхозаветных пророчеств: «Praenuntiat hoc quoque Jeremias propheta, dicens ex persona Domini ipsius: *Facta est, inquit, haereditas mea mihi, sicut leo in silva: dedit super me vocem suam, propterea, exosus sum eam: et propterea, inquit, dereliqui domum meam*» («И сбылось реченное Иеремией-пророком: “Удел Мой сделался для Меня как лев в лесу; возвысил на Меня голос свой: за то Я возненавидел его, потому что Я оставил дом Мой” (Иер. 12:7–8)»)¹⁹.

Руфин Аквилейский подчеркивает, что Христос примирил между собой двух своих обвинителей Пилата и Ирода, которые прежде были во вражде, отмечая, что это было предсказано в книге Иова. Таким образом, он соединяет события из жизни Понтия Пилата и Ирода с ветхозаветным преданием: «Tunc enim Herodes et Pilatus (ut Evangelium testator) ex inimicis in concordiam revocati sunt: et velut reconciliationis suae xenium vinctum sibi invicem mittebant Jesum. Quid interest, dummodo Jesus ut Salvator dis identes reconciliet, et pacem reparet, ac etiam concordiam reddat?» («Здесь же Ирод и Пилат, ранее бывшие врагами (и Евангелие об этом свидетельствует), пришли к согласию и, так как соединились в даре, связав себя через посланного связанного Иисуса. Какова же причина того, что Иисус Спаситель стал примирителем и восстановителем мира, и вернул им согласие?»)²⁰.

Христос приводит к примирению даже не верующих в Него людей, которых он видит во время суда. Руфин Аквилейский пишет, что это было предсказано в Ветхом Завете: «Об этом написано у Иова: “Господь примиряет сердца у князей земли”

(Иов. 12)» («Unde etiam de hoc scriptum est in Job: “Dominus reconciliat corda principum terrae” (Job. 12. sec. LXX)»²¹. Цитата из Иова замечательна тем, что представляет собой нетрадиционный перевод с древнегреческого языка. В древнегреческом языке слово διαλλάσσω имеет несколько значений: «меняющий» и «примирающий» [Вейсман, 1899: 310], что обуславливает вариативность перевода этого слова на другие языки. Так, например, в двух версиях перевода Книги Иова св. Иеронима, эта строка в одном случае переведена им с греческого как «*qui inmutat cor principum populi terrae*» («изменяющий сердца князей земли»²²), а в другом — «*Dominus reconciliat corda principum terrae*» («Господь примиряет сердца у князей земли»²³). Полисемия слова διαλλάσσω дает возможность толкователю, для которого ценна идея примирения, возможность для экзегетического маневра.

Толкование Руфина Аквилейского оказывается почти дословной цитатой из «Поучений огласительных» св. Кирилла Иерусалимского, старшего современника Руфина Аквилейского:

«Связанный пошел Он от Каиафы к Пилату (Ин. 18). Не написано ли и о сем: “И, связав Его, привели в дар царю Иариму” (Ос. 10, 6)? Но возразит кто-либо из внимательных слушателей: “Пилат — не был царь”. Итак, оставляя многие изыскания, спросим: как “связав Его, привели в дар царю Иариму?” Но прочти написанное в Евангелии: “Услышав Пилат, что Он из Галилеи, “послал Его к Ироду”” (Лк. 23: 7). А Ирод был тогда царем и находился в Иерусалиме. Примечай же точность Пророческую. Посему в дар послан Он. “И сделались в тот день Пилат и Ирод друзьями между собою, ибо прежде были во вражде друг с другом” (Лк. 23:12). Ибо Тому, Который хочет примирять небо с землею, прилично было первых примирить тех самых, которые Его осуждали: притом присутствовал здесь сам Господь, “примирающий сердца Князей земных” (Иов. 12: 24). Видишь точность Пророков и истину свидетельства»²⁴.

В русском переводе толкования Св. Кирилла стиха из книги Иова (12:24) древнегреческое слово διαλλάσσω употреблено в значении «примирающий», так как этот перевод важен для подтверждения следующей мысли о том, что «Тому,

Который хочет *примирять* небо с землею, прилично было первых *примирить* тех самых, которые Его осуждали», т. е. Ирода и Пилата, которые «в тот день стали друзьями, хотя прежде были во вражде»²⁵ (курсив мой. — А. Н.).

Переводчик Священного Писания на латинский язык Иероним Стридонский воспринимает образ Пилата через призму традиционных толкований. Он пишет, что «Пилат неволью принял жестокое решение против Господа» («*Pilatus qui nolens compulsus est contra Dominum ferre sententiam*»)²⁶. В «Книге о благородных мужах» Иероним Стридонский приводит цитату Иосифа Флавия из «Иудейских древностей» о Христе: «*Eodem tempore fuit Jesus vir sapiens, sit amen virum oportet eum dicere. Erat enim mirabilium patrator operum et doctor eorum, qui libenter vera suscipiunt: plurimos quoque de Judoeis quam de gentibus sui habuit sectatores et credebatur esse Christus. Cumque invidia nostrorum principum, cruci eum Pilatus addixisset*»²⁷ («Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлёк к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию влиятельных лиц Пилат приговорил его к кресту»²⁸). Таким образом, Евсевий Иероним приводит свидетельства иудейского автора о Понтии Пилате, не давая собственной оценки его поступку, равно как воздерживается от нее и сам Иосиф Флавий.

Написанный св. Иеронимом «Комментарий на пророка Малахию» также содержит интересное свидетельство, оправдывающее Пилата: «*Quibus aquis et Pilatus manum lavare conatus est, ne Judaeorum blasphemias consentiret, de quibus Psalmista laetatur, dicens: "Super aquas refectionis educavit me". (Psal. XXII, II). De hac aqua per prophetam Dominus pollicetur: "Aspergam vos aqua mundissima" (Ezech. XXXVI). Qui autem peccator est, inebriatur calice Babilonio, et dicitur de eo: "Spinae nascuntur in manu ebriosi"*» («О воде, что Пилат взял, чтобы мыть руки которыми водами и Пилат руки омыть попытался, чтобы не присоединиться к иудейским нечестивцам, о которых Псалмопевец радуется, говоря: «По водам отдохновения провел меня» (Пс. 22:2). Об этой воде через пророка Господнего обещано: «Окроплю вас

водою чистойшей” (Езек. 36:25). О другом грешнике, опьяненном чашей вавилонской, и сказано про него: “Терн рождается в руке пьяного”» (Притч. 26:9)²⁹.

Через обращение к ветхозаветным пророчествам св. Иероним пытается придать не только символическое, но и религиозное значение такой детали, как омовение рук Пилатом и связать ее с возможным прощением. Такое толкование, возможно, обусловлено тем, что псалмы, где встречаются упоминания о воде, обыкновенно метафорически связываются с пророчествами о крещении. Пилат хоть и присутствовал на суде, но был не согласен с иудеями, желавшими казни невиновного, и не захотел выносить решения. Это символически перекликается с образом крещающегося, отрекающегося от рабства грешным страстям.

Отметим, что и греческие толкователи в псалмах, связанных с очищением водою, видят пророчество в омовении рук Пилата. Так, св. Феодорит Кирский в толковании на стих 25 псалма «В неповинных умою руки мои» проводит аналогию с новозаветными событиями: «Умою в неповинных руки мои», подобно тому, что сделано Пилатом, который, не восхотев стать сообщником в иудейском убийстве, умыл руки, и самым делом показал удаление свое от совершаемого Иудеями. Посему, говорит Пророк, как неповинный и не имеющий никакого с ними общения, смело умою и руки»³⁰. Для св. Феодорита важно, что Понтий Пилат, прежде всего, в душе не был согласен с решением иудеев и свое нежелание становится сообщником убийц он «показал делом, омыв руки».

Блаженный Иероним пишет о том, что Пилат «невольно принял жестокое решение» («*Pilatus qui nolens compulsus est contra Dominum ferre sententiam*»)³¹. Особое внимание св. Иероним уделяет очищению Пилата, связывая его с ветхозаветными псалмами. Через обращение к ветхозаветным пророчествам св. Иероним пытается придать не только символическое, но и религиозное значение омовению рук Пилата и связать его с отвращением от зла и возможным прощением.

В первые века христианства, несмотря на гонения, устроенные римлянами, Понтий Пилат не воспринимался как собирательный образ гонителя, главного виновника, допустившего казнь Христа. Это отличается от современного

восприятия прокуратора, подразумевающего однозначное его осуждение. Так, в ранних апологиях Пилат скорее является образом мудрого язычника, который противопоставлен безумствующей толпе. Христиане не противопоставляли себя римской власти и не возлагали на нее ответственность за распятие Христа.

Образ Пилата показывал язычникам путь неучастия в преследованиях, отвращения ко злу, честности в суждениях. Именно поэтому уже самые ранние апологии доносят до нас народную веру в то, что Пилат стал христианином. Эти легенды помогали язычникам задуматься о возможности такого выбора для себя. Сведения о христианстве Понтия Пилата важны не только с апологетической точки зрения — они отвечали потребности церковной совести, которая осознала, что прокуратор стоял на пороге веры.

Примечания

- * Автор выражает признательность доценту кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета А. А. Скоропадской за консультирование по вопросам перевода текстов латинских авторов.
- ¹ Игнатий Антиохийский. Послание к траллийцам. Глава 9 // Ранние Отцы Церкви. Антология. Брюссель: Жизнь с Богом, 1998 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Antiohijskij/poslanie-k-trallijtsam/
- ² Тертуллиан К. С. Ф. Апологетик. К Скапуле. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 149.
- ³ Там же. С. 150.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Лактанций Ц. Божественные установления. Кн. 1–7. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 274.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Patrologiae cursus completus... Series Latina / accurate J.-P. Migne. Paris, 1844, t. 9. (Patrologia Latina). Co. 275 (In Lat.)*. Здесь и далее тексты Латинской патрологии переведены мной. — А. Н.
- ⁸ *Patrologiae cursus completus... 1845, t. 15. (Patrologia Latina). Co. 1495.*
- ⁹ *Patrologiae cursus completus... 1845, t. 14. (Patrologia Latina). Co. 1177.*
- ¹⁰ *Patrologiae cursus completus... 1845, t. 17. (Patrologia Latina). Co. 193–194.*
- ¹¹ *Patrologiae cursus completus... 1845, t. 17. (Patrologia Latina). Co. 194.*
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Амвросий Медиоланский. Две книги о покаянии. М., 1884. С. 213–214.

- ¹⁵ Patrologiae cursus completes... 1849, t. 21. (Patrologia Latina). Co. 359–360.
¹⁶ Там же. Co. 359.
¹⁷ Там же. Co. 359–360.
¹⁸ Там же.
¹⁹ Patrologiae cursus completes... 1849, t. 21. (Patrologia Latina). Co. 360.
²⁰ Там же.
²¹ Там же.
²² Patrologiae cursus completes... 1849, t. 28. (Patrologia Latina). Co. 1094.
²³ Patrologiae cursus completes... 1849, t. 29. (Patrologia Latina). Co. 79.
²⁴ Кирилл Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные. М., 2010. С. 190–191.
²⁵ Там же.
²⁶ Patrologiae cursus completus... 1845, t. 23. (Patrologia Latina). Co. 322.
²⁷ Там же. Co. 631.
²⁸ Иосиф Флавий. Иудейские древности: в 2 т. / пер. Г. Г. Генкеля. СПб., 1900. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/iudeiskie_drevnosti/
²⁹ Patrologiae cursus completus... 1845, t. 25. (Patrologia Latina). Co. 1544.
³⁰ Феодорит Кирский. Творения. Ч. 2. М., 1905. С. 121.
³¹ Patrologiae cursus completus... 1845, t. 23. (Patrologia Latina). Co. 322.

Список литературы

1. Абдыраманова А. Сравнительно-типологический подход к трактовке библейского сюжета в романах М. А. Булгакова и Ч. Айтматова // *Alatoo Academic Studies*. — 2016. — № 1. — С. 329–336.
2. Алексеева М. А. Образ Понтия Пилата в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // *Филологический класс*. — 2016. — № 2. — С. 57–59.
3. Болотов В. В. Собрание церковно-исторических трудов. — М.: Мартис, 2000. — Т. 2: Лекции по истории древней Церкви. Введение в церковную историю. — 306 с.
4. Болотов В. В. Собрание церковно-исторических трудов. — М.: Мартис, 2000. — Т. 3: Лекции по истории древней Церкви. История Церкви в период до Константина Великого. — 534 с.
5. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. — СПб., 1899. — 693 с.
6. Гаджиев М. А. Рюхин и... Понтий Пилат? Об одном из принципов организации системы персонажей второго плана романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // *Новый филологический вестник*. — 2009. — № 11 [Электронный ресурс]. — URL: http://slovorggu.ru/2009_4/index.shtml
7. Епифанович С. Л. Лекции по патрологии (церковная письменность I—III вв.). — СПб.: Воскресение, 2010. — 607 с.
8. Круглова И. Н. Пилат и Иисус: история как судебный процесс // *Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития*. — Красноярск, 2015. — С. 469–472.

9. Мальчуков В. А., Мальчукова Н. В. Особенности диалога религиозного и светского мировоззрения в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Известия Байкальского государственного университета. — 2013. — № 3 (89). — С. 156–163.
10. Саврей В. Я. Александрийская школа в истории христианской мысли. — М.: МГУ, 2012. — 226 с. (а)
11. Саврей В. Я. Каппадокийская школа в истории христианской мысли. — М.: МГУ, 2012. — 256 с. (б)
12. Саврей В. Я. Антиохийская школа в истории христианской мысли. — М.: МГУ, 2012. — 232 с. (с)
13. Сагарда Н. И. Древнецерковная богословская наука на греческом востоке в период расцвета (IV–V вв.) // Христианское чтение. — 1910. — № 4. — С. 443–507.
14. Сагарда Н. И. Лекции по патрологии. I—IV века. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. — 796 с.
15. Сейранян Н. П. «Вечные вопросы» в художественном воплощении Ч. Айтматова и М. Булгакова (романы «Плаха» и «Мастер и Маргарита») // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. Серия: Филологические науки. — 2018. — Т. 18. — № 10. — С. 91–96.
16. Синцов Е. В. Художественно-историческая концепция власти М. А. Булгакова (роман «Мастер и Маргарита») // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. — 2010. — № 1. — С. 141–155.
17. Суворцева Е. В. «Прокуратор Иудеи»: А. Франц и В. Т. Шаламов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2009. — № 6. — С. 152–154.
18. Grull T. The legendary fate of Pontius Pilate // Classica et Mediaevalia. — 2010. — № 61. — S. 151–176.

Информация об авторе: *Надежкин Алексей Михайлович* — кандидат филологических наук, независимый исследователь.

Дата поступления в редакцию: 15.01.2019

Дата публикации: 29.03.2019

Alexey M. Nadezhkin

(Nizhny Novgorod, Russian Federation)

aleksej1001@gmail.com

The Image of Pontius Pilate in the Writings of Latin Authors of the 1st–5th Centuries

Abstract. In this article the author investigates the interpretation of the plot of Pilat's trial in early Latin literature. The author presents new data from the historic works of St. Ambrose, St. Eusevius Ieronimus, Rufin Aquilean that remained untranslated before. The goal of the article is to investigate the attitude of early Christians towards the role of Pontius Pilatus in the trial of Christ. It aims to compare the interpretation of Pilate's trial found in the Latin literature of the 1–5 centuries with that one in the writings of Athanasius of Alexandria and Ephraim the Syrian belonging to patristic literature. The author comes to conclusion that Pontius Pilate was not perceived by early Christians as a metaphor of the persecutor, in spite of all the persecutions executed by Romans at the dawn of Christianity. He almost was not blamed for the execution of Christ. Christians did not oppose themselves to the Roman authorities and did not accuse it of the crucifixion of Christ. The author considers that for Tertullian or Lactantius Pilate was rather a wise pagan opposed to a mad crowd thirsty for blood. The author emphasizes the fact that the theme of Pilat's trial is significant in the speculations of Latin authors on power and humiliation. St. Jerome, as other authors, writes that Pilate "involuntarily made a cruel decision". Through an appeal to the Old Testament prophecies St. Hieronymus tries to give not only a symbolic, but also religious significance to the washing of Pilate's hands and to bind it with the detestation of the evil and possible forgiveness. The Latin Church Fathers and church writers mostly sympathized with the procurator of Judea, seeing in him a sacrifice of circumstances, although they condemned him for his weakness.

Keywords: Pontius Pilate, latin patristics, the problem of guilt, early Christianity, image, interpretation

References

1. Abdyramanova A. A Comparative and Typological Approach to the Interpretation of the Biblical Story in the Novels of M. A. Bulgakov and Ch. Aitmatov. In: *Alatoo Academic Studies*, 2016, no. 1, pp. 329–336. (In Russ.)
2. Alekseeva M. A. The Image of Pontius Pilate in the Novel of M. A. Bulgakov "The Master and Margarita". In: *Filologicheskij klass*, 2016, no. 2, pp. 57–59. (In Russ.)
3. Bolotov V. V. *Sobranie tserkovno-istoricheskikh trudov [Collection of the Church History Works]*. Moscow, Martis Publ., 2000, vol. 2. 306 p. (In Russ.)
4. Bolotov V. V. *Sobranie tserkovno-istoricheskikh trudov [Collection of the Church History Works]*. Moscow, Martis Publ., 2000, vol. 3. 534 p. (In Russ.)

5. Veysman A. D. *Grechesko-russkiy slovar'* [*The Greek-Russian Dictionary*]. St. Petersburg, 1899. 693 p. (In Russ.)
6. Gadzhiev M. A. Ryukhin and... Pontius Pilate? (On a Certain Organization Principle of Secondary Characters in M. A. Bulgakov's Novel "The Master and Margarita"). In: *Novyy filologicheskiiy vestnik* [*The New Philological Bulletin*], 2009, no. 11. Available at: http://slovorggu.ru/2009_4/index.shtml (In Russ.)
7. Epifanovich S. L. *Lektsii po patrologii (tserkovnaya pis'mennost' I–III vekov)* [*Lectures on Patrology (The Church Writings of the 1st–3d Centuries)*]. St. Petersburg, Voskresenie Publ., 2010. 607 p. (In Russ.)
8. Kruglova I. N. Pilate and Jesus: History as a Judicial Process. In: *Nauka i obrazovanie: opyt, problemy, perspektivy razvitiya* [*Science and Education: Experience, Problems, Prospects of Development*]. Krasnoyarsk, 2015, pp. 469–472. (In Russ.)
9. Mal'chukov V. A., Mal'chukova N. V. Features of the Dialogue Between Religious and Secular Worldviews in "The Master and Margarita" by M. Bulgakov. In: *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of Baikal State University*], 2013, no. 3 (89), pp. 156–163. (In Russ.)
10. Savrey V. Ya. *Aleksandriyskaya shkola v istorii khristianskoy mysli* [*The Alexandrian School in the History of Christian Thought*]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2012. 226 p. (a) (In Russ.)
11. Savrey V. Ya. *Kappadokiyskaya shkola v istorii khristianskoy mysli* [*The Cappadocian School in the History of Christian Thought*]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2012. 256 p. (b) (In Russ.)
12. Savrey V. Ya. *Antiokhiyskaya shkola v istorii khristianskoy mysli* [*The Antioch School in the History of Christian Thought*]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2012. 232 p. (c) (In Russ.)
13. Sagarda N. I. Ancient Church Theological Science in the Greek East in the period of its Prosperity (the 4th–5th Centuries). In: *Khristianskoe chtenie*, 1910, no. 4, pp. 443–507. (In Russ.)
14. Sagarda N. I. *Lektsii po patrologii. I–IV veka* [*Lectures on Patrology. The 1st–4th Centuries*]. Moscow, Izdatel'skiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi Publ., 2004. 796 p. (In Russ.)
15. Seyranyan N. P. "Perennial Issues" in Artistic Presentation of Ch. Aitmatov and M. Bulgakov (Novels "The Scaffold" and "The Master and Margarita"). In: *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo slavyanskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki* [*Vestnik KRSU. Series: Philological Sciences*], 2018, vol. 18, no. 10, pp. 91–96. (In Russ.)
16. Sintsov E. V. M. A. Bulgakov's Artistic-Historical Concept of Power (the Novel "The Master and Margarita"). In: *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya* [*Bulletin of the Samara Academy for Humanities. Series: Philosophy. Philology*], 2010, no. 1, pp. 141–155. (In Russ.)

17. Suvortseva E. V. "The Procurator of Judea": A. Franz and V. T. Shalamov. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences], 2009, no. 6, pp. 152–154. (In Russ).
18. Grull T. The Legendary Fate of Pontius Pilate. In: *Classica et Mediaevalia*, 2010, no. 61, pp. 151–176. (In English)

Information about the author: *Nadezhkin Alexey M.* — PhD in Philology, independent researcher.

Received: January 15, 2019

Date of publication: March 29, 2019